

УДК 821.161.1-1

КОНЦЕПТЫ «СЛОВО» И «ЛЮБОВЬ» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Н. С. ГУМИЛЁВА

С. В. Пушкарёва

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье рассматривается место и значение поэтических концептов «Слово» и «Любовь» в творчестве Н. С. Гумилёва, выявляется их аксиологическая сущность, исследуется связь с эстетикой русской культуры Серебряного века. Функция этих концептов видится в том, что они задают ценностные ориентиры для всей концептосферы поэта и определяют ее архитеконику.

Ключевые слова: *Н. С. Гумилев, поэзия XX века, символизм, акмеизм, концептосфера, теургия, символический образ, слово, миф.*

Культурософия Серебряного века выступает необходимым внешним контекстом, задавшим аксиологический модус концептосферы Н. С. Гумилёва. Природа слова, его сакральная роль и значимость в процессе познания мира – одна из главных проблем, особенно волновавших поэтов Серебряного века. Понятия «поэт», «поэтическое слово», «творчество», «любовь», «духовный путь» в русской культуре Серебряного века испытывают трансформацию: поэт становится Теургом, Творцом в сакральном смысле слова, поэзия – не только вид творчества, но священное искусство создания образов, творчество рассматривается как творение, любовь – не только чувство искренней привязанности, но и энергичное преобразование человека, духовный путь – особый стержень развития личности. В духовно-политической ситуации эпохи не оценим труд художников Серебряного века, состоявший в актуализации ценностей национального самосознания. С горящим любовью сердцем, с помощью жизнеутверждающей силы истинного творчества «странник духа» в поэзии Николая Гумилёва пытается противопоставить «силам всемирного распада», терзающим Россию, образ-символ единой державы духа – Град Божий. Бытие определяется творчеством. Без субъекта творчества нет объекта. Истинное творчество благодатно, через красоту духовную оно приобщает человека к Богу. Такое творчество-теургия – предел внутренних устремлений художника, его действия в мире. И путь к нему – полнота духовного опыта. Здесь, по словам Гумилёва, «поэзия и религия две стороны одной монеты» [3, с. 408].

Концепт «Любовь», как отмечает Ю. С. Степанов, строится в русском и славянских языках по той же модели, что и «Вера», «Слово», «Чудо», и предстает некой «плотной сущностью» в священном «круговороте общения» [12, с. 252], по ведической модели диалога: «верящего и внушающего доверие», «творца и творения» или «Отца и сына». Иными словами: «Любовь, по сути дела, акт бесконечно возобновляющей веры» (Ромен Роллан) [10]. «Слово» в русской культуре – это понятие священное, очевидно, сохранившее имплицитно, в своем индоевропейском корне, тот самый символический смысл, который в античности имело существительное мужского рода «мифос», которое «характеризовало слово главным образом со стороны его

содержания и потому часто значило 'речь', 'совет', 'план', а также 'миф'» [12, с. 250]. Показательно, что в составе русских фразеологизмов «слово» упоминается в сочетании с такими словами, как *человеческое, доброе, живое, вещное, поучительное, красное (красивое), ласковое, Божие, плоть, данное, золотое, не воробей (вылетит – не поймашь), заповедное, «слово и дело», слово ведушом ходит, на правду слов немного* и т. д. В Словаре В.И. Даля: «Слово, слава, слыть, слух и пр. одного корня; славить, славословить, стар. словити, одно и то же. Примечательно, что *славянин, словенин, словесный человек, или словущий* чем, также одно» [6, с. 450]. Получается, значение этнонима *славяне* можно определить как «владеющие силой слова». В славянской азбуке, как и во многих родственных древних индоевропейских языках, например, санскрите, за каждой буквой стоит слово, то есть она имеет мифологическое строение, расширяясь до бесконечности и «свиваясь, как кочан капусты» [9, с. 88]. А – Аз (я), Б – Буки (буква), В – Веди (ведать, знать) и так далее. Более того, славянская азбука построена по сакральному принципу троичности: одно рождает два, два рождает три, три рождает мир всех вещей. Ю. С. Степанов говорит о том, архаические жреческие ритуалы обращения к богам (молитвы), в том виде, как они представлены в «Ведах», связаны с описываемой им моделью «круговорота общения». «Семя семени – творения. Семя творения – сердце» [7, с. 74], – говорится в «Ведах». Далее: семя сердца – мысль. Русские пословицы: *Гнило слово от гнила сердца* Семя мысли – речь. *Доброе слово сказать – посошок в руки дать*. Семя речи – деяние. *Ласковое слово и кость ломит*. Свершенное деяние – человек. *Кто говорит, тот сеет; кто слушает, тот собирает* [6, с. 452]. Похожим образом в стихотворении «Мои читатели» своим основным творческим долгом и заслугой поэт Николай Гумилёв считает именно то, что он учил читателя действовать: «...как не бояться <...> и делать, что надо» [4, с. 133], чтобы, представ перед ликом Бога, ждать спокойно его суда.

На основе русских пословиц, соответствующих ведической матрице, логично сделать вывод, что в славянском языковом сознании сохранилось единство символических смыслов слова, соответствующих древней индоевропейской модели.

В начале XX в. мыслители-символисты вновь обратились к сакральной мифологической структуре слова. Вячеслав Иванов видел задачу художника в возвращении слову его изначального, совокупно духовного синкретического смысла, языку богов мифологической эры. В древнеиндийской поэтике проблема «выхолащивания» силы образа породила явление Сангама – литературной академии, многовековой труд мыслителей – поэтов, призванный «засеять родной язык семенами образов». Слово обладает особой энергетикой и воздействует на жизнь человека, но, как и в Дао, значимость слова зависит от того, чье это слово и как оно сказано. Для того чтобы наполнить слово сокровенным смыслом, как утверждал идеолог русского символизма Вячеслав Иванов [8, с. 89], необходимо следовать *внутреннему канону* – комплексу добродетелей, составляющих духовную основу творчества. В 1914 году немецкий мыслитель Хуго Балль писал об омертвлении тонких духовных тканей слова, скованного цепями грамматических связей. Вынув слово из бездумно и автоматически навязанных ему рамок предложения как отражения образа мира, насытили выхолащенные словеса большого города светом и воздухом, придали им теплоту, движение и их изначальную беззаботную свободу. «Мы старались наделить отдельное слово силой заклинания, сиянием созвездий. Мы свели пластичность слова к точке, откуда ее трудно будет превзойти... И произошло удивительное: исполненное магии слово вызвало к жизни, родило *новое* предложение, не обусловленное конвенциональным смыслом и никак с ним не связанное. Затра-

живая одновременно сотни мыслей, но не называя их, наше предложение заставляло звучать изначальную, глубоко затаившуюся в нем иррациональную суть его, будило и усиливало глубочайшие пласты памяти. Мы наделили слово силой и энергией, которые позволили нам заново открыть евангельское понятие слова (логоса) – сложного магического комплекса» [1, с. 74].

Тонкое ощущение «духа времени», поиск духовного пути человека и мира посреди хаоса и разрушения привели Гумилева к спасительному «бегству к истокам», «бегству из времени» или к свободе от времени. Спасение и свободу в «только оттуда бьющем свете», в слове, ставшем голосом света, для себя и всей России, видит и лирический герой книги стихов «Огненный столп». Этот образ мы находим в одном из программных стихотворений Гумилёва – «Слово». Слово, становясь термином, умирает – считал Андрей Белый. «Дурные, зловонные слова» [2, с. 103], – писал он. К тому же мнению склонялся Хуго Балль: «Слово предано: оно жило среди нас. Слово стало товаром. Слово утратило всякое достоинство» [1, с. 75]. «Мы ему поставили пределом / Скучные пределы естества, / И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова» [5, с. 98], – тревожно повторил Гумилёв. Для Гумилёва слово было таинственной «чудотворною мантрой, расколдовывавшей мир» [3, с. 43]. «В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо Свое, тогда / Солнце останавливали словом...» [4, с. 98], – начинает поэт свое стихотворение «Слово».

В древнем индийском эпосе «Махабхарата» описана история любви девушки Савитри и юноши Сатьявана. Сатьяван по воле богов должен был умереть молодым, вскоре после женитьбы. Ночью бог Яма должен был прийти за жизнью царевича. Савитри названа в честь богини Света. Она попросила свою покровительницу продлить день, остановив солнце, чтобы бороться за жизнь мужа. Сорок дней стояла Савитри у бесчувственного тела мужа, и сорок дней не заходило солнце. Удивленный мужеством девушки и убежденный мудрыми словами Савитри, всемогущий Бог Судьбы уступил ей, и царевич Сатьяван остался жив. Вполне возможно, что поэту был известен этот сюжет из великой поэмы, так как в той же книге «Махабхараты» помещена история о Нале и Дамаянти, которую Гумилёв вспоминает в стихотворении «Пятистопные ямбы»: «Я проиграл тебя, как Дамаянти / Когда-то проиграл безумный Наль...» [5, с. 250]

В основе метафоры поэта, как правило, лежит символический образ или мифологический сюжет и опыт мировой духовной культуры – опора поэтики Серебряного века. Гумилёву близки эзотерические идеи, теософские и антропософские концепции, с обострённым интересом воспринятые литературной интеллигенцией рубежа веков. Так, утверждая творящую божественную природу слова и его примат над числом («Патриарх седой, себе под руку / Покоривший и добро и зло, / Не решаясь обратиться к звуку, / Тростью на песке чертил число...» [4, с. 98]), Гумилёв обращается к древнему эзотерическому знанию. В мудром числе скрыты «все оттенки смысла», числа передают отношения явлений («гармонию сфер») и, таким образом, отражают динамику земных и вселенских процессов. Бесконечно развертывающейся спирали подобен числовой ряд числа Пи, похожей на змею-уроборос. Боится произнести слово-мантру жрец Морадита в «Поэме Начала» Н.С. Гумилёва. Недаром боится жрец, ибо знает творящую силу звучащего слова: вдохновенной песней люди-боги зажигали звёзды («Калевала», «Песнь Вяйнемейнена»).

По мнению Ю.В. Зобнина, одним из основных источников символики в программном стихотворении «Слово» является герметическое знание. Из сборника текстов об учении Гермеса Трисмегиста: «...перед Гермесом были воды и огонь, разделен-

ные эфиром, в этом эфире держался в равновесии наш мир, представлявший материю в хаотическом состоянии. ...Слово парило над небесными водами и приводило мир в движение, причем на нем появился свет и самые разнообразные формы» [11, с. 32].

Изначально сила слова была такова, что: «И орел не взмахивал крылами / Звезды жались в ужасе к луне / Если, точно розовое пламя, / Слово проплывало в вышине ...» [4, с. 98]. Мысль и слово создают действие всемогущества! «...И Поймандр сказал Гермесу: “Мысль есть Бог – отец, слово – его сын, они неразрывно связаны в вечности, и их единение есть жизнь”» [11, с. 32]. Слово-мантра, звуко-смысловая матрица существ, предметов, явлений, «живое, действенное» слово – у Гумилёва это «смысл жизни и назначение поэта». «Земля забудет обиды обиды, всех воинов всех купцов / И будут, как встарь, друиды / Учить с высоких холмов, / И будут, как встарь, поэты вести сердца к высоте, / Как ангел ведет кометы...» [5, с. 288]. Величайшая сила гармонии, радость и полнота бытия, свобода, счастье и любовь открываются в творчестве. Интенциональный характер творческого опыта открывает поэту сокровенные тайны бытия. Поэтому концепты «Любовь» и «Слово» в творчестве Гумилёва несут значение коренного преобразования на энергийном уровне, которое совершается по божественным законам Истины – Добра – Красоты, создавая ценностный мир поэта.

Список литературы

1. Балль Х. Бегство из времени // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 73–79.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Гумилев Н. С. Pro et contra. СПб.: Изд-во Рус. христ. гум. ин-та, 1995. 672 с.
4. Гумилев Н. С. Собр. сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Воскресение, 2001. 394 с.
5. Гумилев Н. С. Стихи. Поэмы. Тбилиси: Мерани, 1989. 494 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1998. 684 с.
7. Древнеиндийская философия. М.: Мысль, 1972. 272 с.
8. Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
9. Лотман Ю. М. О мифологическом коде сюжетных текстов // Сборник статей по вторичным моделирующим системам / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1973. С. 86–90.
10. Любовь: афоризмы [Электронный ресурс] // Афоризмы. URL: <http://www.aforizm.ru/aforizmu-pro-lyubov-citatu-o-lyubvi/> (дата обращения: 15.16.2019).
11. Оккультизм и магия. М.: Т-во Клышников, Комаров и К°, 1993. 192 с.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.

CONCEPTS “WORD” AND “LOVE” IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF N.S. GUMILEV

S. V. Pushkareva

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article considers the place and meaning of poetic concepts “Word” and “Love” in the works of N. Gumilev, reveals their axiological essence, explores their connection with the aesthetics of the Russian culture of the Silver age. The function of these con-

cepts is seen in the fact that they set values for the entire conceptual sphere of the poet and determine its architectonics.

Keywords: *N. Gumilev, poetry of XX century, symbolism, acmeism, conceptsphere, theurgy, symbolic image, word, myth.*

Об авторе:

ПУШКАРЕВА Светлана Викторовна – соискатель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: swetip@mail.ru.

About the author:

PUSHKAREVA Svetlana Viktorovna – Applicant at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33) , e-mail: swetip@mail.ru.